

Как я труп из мусорки вытаскивал

Жизнь порой подкидывает нам странные выборы. Вот и я по окончании ВУЗа оказался на распутье: меня ждали либо санитары, либо военком. В обычной ситуации я бы предпочёл первый вариант, но благодаря правильным знакомствам появилась возможность пройти службу в относительно комфортных условиях. Конечно, был ещё вариант штурмовать военкомат с огромным крестом на плече и зычным: "ОООООТЧЕЕЕ НААААШ, ИЖЕСЕСЕЕЕ НА НЕБЕСЕЕЕЕХ...", а потом ещё зачитать военному лекцию о каиновом грехе. Но в таком случае велика была вероятность попасть не на альтернативную гражданскую службу, а откатиться к варианту с дуркой.

Так я попал в отделение охраны военной полиции. Маленькая, неприметная часть посреди города с ограниченным контингентом. По факту десяток рядовых (которым даже не положено оружие) выполнял здесь функции посыльных, компуктерщиков, нянек, автомоек и разнорабочих, но только не охранников. Год, проведённый в этом месте, был не так уж плох и в первую очередь запомнился как отличный полигон для практической реализации теоретической базы по социализации. Не обошлось, конечно, и без эксцессов.

Один из таких случился рано утром, когда офицер, выезжая, переехал пополам дворовую кошку. Животное не умерло сразу, но страшно страдало. Командир отделения отдал приказ кошку добить и выкинуть. Так уж вышло, что среди сослуживцев я, насколько понял, оказался единственным, кто считал эвтаназию этически приемлемым решением. Потому, когда цепочка перекладки ответственности за судьбу животного дошла до меня, я просто взял лом и проломил бедняжке череп. Не беспокойтесь – смерть её была быстрой.

После этого инцидента товарищ сержант и товарищ прапорщик почему-то решили, что будет здорово отдать мне на попечение "служебную" кошку и весь её свежий выводок в виде пятерых котят. Один котёнок пропал сразу, ещё один каким-то образом забрался в машину ефрейтора и уехал с ним на дачу, ещё одного я сбаврил по объявлению. Остались двое: Алёша и Гоблин. Алёша был бойкий малый и, следуя по стопам матери, успешно охотится на голубей на плацу. Гоблин же рос болезненным и получил своё прозвище за скверный характер и большие, сломанные уши. Я честно пытался уломать прапорщика обследовать гниющего и разбухающего Гоблина у ветеринара, но смог добиться только стерилизации кошки-матери.

Кормить котов приходилось уставным паштетом, поскольку то был единственный мясосодержащий продукт, которого в части хватало с избытком. А потому коты, облюбовавшие комендатуру, гадили. Много и часто, совершенно не признавая лотка, приучить к которому я их не мог за нехваткой времени. Каждое утро мне приходилось совершать шестой подвиг Геракла (который про Авгиевы конюшни) с помощью ударных доз хлора.

Другим важным элементом для понимания финальной истории будет описание одиозной личности одного из офицеров. Майор Тупогубов (имена и фамилии изменены) оказался прикомандирован к нашей части примерно спустя два месяца после начала моей службы. Это был высокий (несмотря на свою сутулость) лысый мужчина с печальным взглядом голубоватых глаз и по-детски большими губами. Некогда сильное тело к моменту нашего знакомства обременял пивной живот, который удерживали над землёй непропорционально-длинные ноги. Гротескная внешность огромного ребёнка отлично

ложилась на характер человека. Он любил громко покричать, присосаться к баночке с пивандеполой и раздать абсурдные приказы, которые тут же отменял командир части. Не любил Тупогубов рано вставать и работать, а потому утро отделения охраны периодически начиналось с квеста "Найди, где уснул товарищ майор" (если с этой задачей не справлялся дневальный). Стоит ли говорить, что из-за этого человека офицерский состав не просыхал неделями? Стоит, но потом.

Кроме обычных васянских замашек, выделяющейся чертой Тупогубова была особая форма народной духовности. Так, он считал невероятно романтичным поднять в час ночи водителя, заставить его гнать под сотку по городу, игнорируя светофоры, чтобы как можно скорее оказаться на смотровой площадке, с которой открывался вид на ночной город. В приступе патриотических чувств товарищ майор садился на корты, пускал скупую мужскую слезу, а затем звал водителя присесть рядом, чтобы вместе спеть что-нибудь из Любэ и хорошенько посрать. Да, прямо на смотровой площадке.

Другим проявлением его теплоты была своеобразная забота о кошках. Нет, ни денег на обследование Гоблина, ни приказов отвести его к ветеринару он давать не хотел, но периодически подкармливал котеек Вискасом, приговаривая что-то вроде: "Вооот, смотрите, что вам папка принёс". Самых котят тов. майор именовал, как и нас, "бойцами".

Финальный элемент истории - дразги проверяющего полковника и командира части. Что имнно между ними произошло неизвестно, но проверки, которые раньше случались не чаще двух раз в год, стали ежемесячными. К нам приезжал бойкий, невысокий старичок, который и на турнике раз двадцать подтянуться может и устав от корки до корки пересказать. А приезжал он, чтобы спросить: "А почему у вас в половой ветоши дыры?", "А почему у вас спортивный зал такой чистый? Совсем не занимаетесь?!", "А почему у вас снег серый?". Но больше всего ревизора интересовало, не бьют ли офицеры рядовых. Потому любимым занятием товарища полковника было построить рядовых, напротив построить офицеров, и начать докапываться до каждого срочника с вопросом: «Боец! Кто тебя пиздит? А ну ткни пальцем». Не получая желаемого результата, ревизор отпускал офицеров и начинал муштровать солдат в надежде на то, что кто-нибудь сломается и что-то выдаст (спойлер – выдавать было нечего, побои в части случались, но только между офицерами).

Длились ревизии целый день, и вся часть занималась тем, что старалась всячески избежать контакта с полковником, параллельно натирая до блеска даже те вещи, которым блестеть по своей природе не положено.

Во время одной из таких проверок, и без того полуживой, Гоблин сдох в комендатуре, надышавшись хлора. А ревизор уже вошёл в расположение части. Тов. сержант приказал быстро от трупа избавиться, ну я и выкинул его в мусорное ведро на кухне, прикрыв сверху картофельными очистками. От разгромной критики нашу часть это не спасло, но трупик Гоблина хотя бы остался незамеченным. О моей маленькой аванюре знали рядовые и сержант. Он же приказал как можно быстрее выкинуть содержимое ведра в мусорку, что я и сделал.

Было в районе пяти часов вечера, ревизор отстал от рядового состава и начал кошмарить офицеров, чем разбудил майора Тупогубова, которого командир части хотел уже откровенно слить. Тот, ~~вывалившись~~ выбравшись из офицерского расположения через окно, успешно задоджил встречу с душилами. По дороге из своей располагии в солдатскую

он прихватил Вискас. Не обнаружив в комендатуре Гоблина, тов. майор вызвал тов. сержанта. Тот, в свою очередь, отчитался о печальной судьбе котёнка, чем навлёк на отделение гнев Тупогубова. Он потребовал немедленно откопать из мусорки труп Гоблина и перезахоронить его под ёлочкой со всеми почестями. Аргументы от разума проиграли в неравной схватке уставу и принципу единоначалия в армии.

Чтобы проститься с Гоблином, Тупогубов построил всё отделение, и пока двое моих сослуживцев закапывали яму под ёлочкой, майор произнёс проникновенную прощальную речь, упоминая Вискас и "Царствие божие", в котором должен был упокоиться котёнок. Движ на плацу в конечном счёте не мог не привлечь внимание ревизора. Тот вышел в сопровождении краснеющего командира части и поинтересовался, по какому поводу построение. Тов. майор, как будто удивлённый такой встречей, не нашёл ничего лучше, чем ляпнуть: "Бойца хороним".

В этот момент командир части взорвался и, неистово матерясь, начал лупить Тупогубова борсеткой.

Так началась неделя проверок, учебных тревог и пожаров. Суммарно за эти дни мы успели поспать часов 8-10, но это уже другая история.